

К формированию института частной земельной собственности в трансграничных зонах юга России: этнический аспект

Александр Н. Садовой^{a, @, ID}

^a Субтропический научный центр Российской академии наук, Россия, г. Сочи

@ sadovoy.a.n@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-2153-63459>

Поступила в редакцию 25.06.2020. Принята к печати 27.07.2020.

Аннотация: Представлены промежуточные результаты компаративного анализа направленности земельных реформ на срезах XIX–XX и XX–XXI вв., их средне- и долгосрочных последствий на территориях традиционного природопользования этнических меньшинств в трансграничной зоне юга России. Акцентируется внимание на соотношении государственных и этнических интересов в ходе проведения землеустройства и формировании института частной земельной собственности. Актуальность исследования определяется проблемами развертывания системы регионального этнологического мониторинга, научного прогнозирования направленности и динамики изменения этносоциальной обстановки под воздействием проводимой национальной и аграрной политики российского государства. Отмечено, что в предложенном государством механизме формирования земельного рынка изначально был заложен принцип социальной стратификации на основе коррупционной составляющей. В национальных районах реорганизация земельных отношений объективно инициировала вторичный процесс – этническую стратификацию, проявившуюся в концентрации выделенных паев в руках отдельных фамилий, представляющих национальную элиту – социальную страту, сформированную в советский период. На основе пилотажных исследований по системам природопользования автохтонного населения и переселенцев в трансграничной зоне юга России и социальной политике конца XIX – начала XXI в. проводится тезис об устойчивой тенденции сохранения федеральным центром рычагов прямого воздействия на процессы: а) административно-территориального устройства; б) формирования системы расселения и структуры населения (включая этническую); в) образования социальных страт земельных собственников; г) трансформации традиционных систем природопользования и жизнеобеспечения сельских анклавов. Эта тенденция позволяет рассматривать историю земельной политики российского государства в контексте общего курса национальной политики, входящей в настоящее время в предметное поле междисциплинарных исследований, объединяющих историков, этнологов, политологов, социологов и экономистов.

Ключевые слова: земельные реформы, этническая территория, национальная политика, этническая стратификация

Для цитирования: Садовой А. Н. К формированию института частной земельной собственности в трансграничных зонах юга России: этнический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 664–676. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-664-676>

Введение

Модернизация социально-экономической инфраструктуры России на основе воссоздания института частной собственности актуализирует внимание на историческом опыте регуляции межэтнических отношений в сфере природопользования и землепользования. Взаимообусловленность процессов формирования гражданской идентификации и сохранения этнической территории объективно прослеживается на всем постсоветском пространстве. В обосновании этого этнокультурного процесса [1] заложен тезис об имперской природе национальной политики России, ограничивающей возможности формирования институтов гражданского общества, социальную мобильность и развитие этнических секторов экономики на основе института частной земельной

собственности. В этой связи исследование попыток решения земельного вопроса, предпринятых российским государством, приобретает актуальность и в контексте определения зоны противопоставления государственных и этнических интересов, представляемых национальными элитами.

С другой стороны, проявление центробежных тенденций объективно приводит к формированию социального заказа на развертывание региональной системы этносоциального мониторинга, направленного на выявление реакции населения страны на федеральный курс социальной политики. Правовым основанием мониторинга выступает п. 32 «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»¹, в котором предусматривается мониторинг состояния межнациональных

¹ Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // СЗ РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.

(межэтнических) отношений в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Развертывание системы мониторинга неразрывно связано с моделированием системы коммуникационных (социальных связей), формируемых в ходе социальных реформ, определению их этнической составляющей, как потенциального источника дестабилизации этносоциальной обстановки. Акцентирование в ходе научно-прикладных исследований внимания на земельной собственности как одном из базовых социальных регуляторов социальных отношений определяется тем, что данный социальный институт в России, в отличие от большинства стран мира, претерпевал неоднократные глубинные трансформации. Вследствие этого к началу XXI в. на территории страны, с одной стороны, не сохранилось социальных страт, сохраняющих земельную собственность на протяжении нескольких поколений. С другой стороны, в национальных районах трансграничной зоны юга России (Восточный Алтай, Тофалария и др.) развитие этнических форм предпринимательства обуславливают этническую стратификацию при устойчивом восприятии территорий традиционного природопользования как этнической территории.

Методологические подходы исследования этносоциальных последствий земельных реформ

Земельные реформы объективно выступают внешним фактором воздействия на этнический сектор сельской экономики, что позволяет рассматривать их в качестве одной из составляющих национальной политики. В силу этого научное прогнозирование средне- и долгосрочных последствий реформ возможно только на основе принципов системного подхода (анализа). Согласно последним феномен *этносоциальная обстановка* рассматривается в качестве многоуровневой, многокомпонентной, динамично меняющейся системы внутри- и межэтнических коммуникаций, существующих в сфере экономики, управления, культуры и т. д. [2], а механизм (комплекс причинно-следственных связей) трансформации системы коммуникаций – в качестве объекта исследования.

Предметная область при таком подходе ограничивается хронологически – пиками воздействия на традиционные системы социальной организации и жизнеобеспечения. Использование принципов выборочного подхода для ограничения предметной области исследования определяет алгоритм анализа и оценки последствий земельных реформ по двум хронологическим срезам – XIX–XX вв.; XX–XXI вв. Первый срез обуславливается процессами формирования института земельной собственности в ходе реализации буржуазных реформ 1860–1910-х гг. Второй – восстановлением этого института в ходе проведения земельной реформы 1990–2010-х гг. В этой связи история развития социалистического сектора сельской экономики нами рассматривается в качестве самостоятельного объекта исследования.

Территориальные рамки исследования при системном подходе ограничиваются изопрагмами территорий

традиционного природопользования (этнических групп, сельских анклавов). В связи с этим исследование ограничивалось горными районами (полигонами) трансграничной зоны юга России, в границах которых традиционные системы природопользования и жизнеобеспечения были проанализированы на основе широкого спектра источников, включая материалы этнографических исследований. Следует акцентировать внимание на том, что категория трансграничности не дает основания для прямой экстраполяции представленных в статье тенденций на центральные районы России [3].

Трансформация системы социальных коммуникаций раскрывалась в контексте столкновений интересов социальных страт. Так, реакция автохтонного населения пограничных районов России на проводимый курс земельной политики рассматривается в контексте пересечения интересов исполнительной власти (центр, регионы), этнических меньшинств и переселенцев (нерезидентов). Формы противостояния интересов рассматриваются как проявление перманентного межэтнического взаимодействия (противостояния), наиболее четко проявляющегося в периоды системных политических кризисов. Позиция федерального центра в исследовании представлена положениями нормативных актов XIX–XXI вв., определивших направленность и содержание административно-территориальных преобразований и правовое оформление института частной земельной собственности. Позиция органов региональной власти определялась на основе синтеза экспертных оценок [4–11], позиция этнических меньшинств – на основе анализа материалов полевых исследований в границах выборочных полигонов, историографических источников, обобщенных в диссертационных исследованиях и ряде монографий. Пакет используемых в процессе исследования методик опубликован в [12].

Следует отметить, что круг привлеченных историографических источников отражает существенные методологические ошибки в оценке направленности и содержания этнических процессов, инициированных национальной политикой советского периода. Речь идет об использовании метода аналогов, при котором суждения и выводы по процессам в среде локальных этнических групп переносятся на более высокий иерархический уровень. В качестве примера можно привести концепции о прогрессивном характере: а) перевод автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона с кочевого образа жизни на оседлый на основе развития интенсивных форм экономики; б) переселение горцев Дагестана на равнину; в) раскрытие рекреационного потенциала горных районов и т. д. Анализ механизма трансформации традиционных систем жизнеобеспечения автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона показал, что собственно кочевой уклад экономики автохтонного населения в предреволюционный период был характерен только для двух этнических групп – казахов и теленгитов, локализованных в опустыненных районах

Восточного Алтая. Экспертным сообществом Дагестана на основе полевых исследований неоднозначно оцениваются последствия переселения горцев на равнину как инициировавшего исчезновение сотен горных аулов и сокращение сельскохозяйственных угодий [13; 14]. Раскрытие рекреационного потенциала национальных районов, по мнению исследователей, помимо трансформации системы традиционного землепользования инициирует такие процессы, как коммодификация, трансформация традиционной культуры, широкий спектр проявлений фольклоризма [15–18]. Вышеизложенное диктует крайне осторожное отношение к практике применения аксиологического подхода при анализе последствий земельных реформ.

Тенденции земельной политики в имперский период

Одна из специфичных черт российской империи, определивших общую направленность национальной политики в трансграничных зонах, проявилась в неопределенности и открытости, или бесконтрольности, ее южных границ. Особенно отчетливо эта специфика прослеживалась в районах пересечения границ в горных экосистемах и на территориях традиционного природопользования автохтонного населения, что объективно приводило к столкновению государственных и этнических интересов. В Алтае-Саянском экорегионе межгосударственные границы были согласованы с Цинским Китаем только во второй половине XIX в., на Кавказе – в это же время, после признания Османской империей результатов Кавказской войны (1817–1864 гг.). В этих районах трансграничной зоны полная топографическая съемка присоединенных к России территорий и землеустроительные работы осуществлялись по факту принятия автохтонных групп населения в подданство Его Императорского Величества. Собственно отношение органов государственной власти к традиционным социальным институтам, представителям национальных элит, формам этнической экономики (природопользования, жизнеобеспечения) формировалось в течение XIX в. в период буржуазных реформ. В Саяно-Алтайском экорегионе правовая регуляция коммуникаций между органами власти и автохтонным населением осуществлялась по положениям Устава «Об управлении инородцев»², составленного М. М. Сперанским. Специфика социальной организации социальных групп, ведущих экстенсивные формы скотоводства, определяла проблему признания особого правового статуса национальной элиты (зайсанов). С первой половины XIX в. вплоть до административно-территориальных реформ конца XIX – начала XX в. ее еще относили к страте наследственного дворянства. На Черноморском побережье Кавказа та же проблема определялась жестким противостоянием работорговле со стороны государства, которая было основным источником благосостояния элит ряда субэтносов адыгов (аристократических племен). В этом

контексте определение круга потенциальных земельных собственников в трансграничной зоне как потенциальной социальной опоры проводимой политики являлось одной из сложнейших задач государственного строительства.

Собственно институт гражданства в национальных районах мог сформироваться только при выходе личности из системы традиционных социальных коммуникаций, основанных на нормах обычного права, признании личностью (а не группой) приоритета норм государственного права (законов, нормативных актов) в сфере регуляции социальных отношений, включая поземельные. В имперский период этот процесс не был завершен.

Проиллюстрируем процессы трансформации земельных отношений при переходе от института подданства к институту гражданства и обусловленную этим процессом сферу столкновений государственных, этнических и частных интересов на примере выборочных районов трансграничной зоны юга России. В пограничных районах Горного Алтая в первой половине XIX в. интересы верховного собственника (земельного) представлял Кабинет Его Императорского Величества. Так как пограничные районы были закрыты для переселенцев, воздействие губернской и уездной администрации на традиционный уклад жизни автохтонного населения было минимальным. Во многом разрыв между органами власти и сельскими анклавами определялся дисперсной системой расселения, мобильностью автохтонного населения и слабо развитой транспортной сетью. Этносоциальная обстановка обуславливала, что в течение конца XVIII – первой половины XIX в. российским правительством выдерживался курс кодификации норм обычного права национальных меньшинств [19], что на уровне местной администрации не способствовало противопоставлению государственных и этнических интересов. Прямое воздействие на традиционный уклад жизни автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона оказывала только Русская Православная церковь (РПЦ). Так, Алтайской духовной миссией РПЦ вплоть до начала XX в. последовательно проводился курс, способствующий развертыванию административно-территориальной структуры и системы сельского самоуправления, идентичный внутренним районам Российской империи [20; 21].

Сибирское поземельное устройство, проходившее в духе реформы 1861 г., имело тот же алгоритм мероприятий, который уже был апробирован на государственных землях Европейской России в 1870–1880-х гг. Правительство находилось перед дилеммой: решить вопрос землеустройства населения Сибири предоставлением права частного владения крестьянам или регламентировать характер землепользования, сохранив право собственности за государством и Кабинетом Его Императорского Величества [22, с. 52–53]. Дискуссии по данному вопросу проводились в стенах Департамента общих дел Министерства государственных

² Об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVIII: 1822–1823. № 29126. С. 394–417

и земельных имуществ с начала 1880-х гг. Результатом деятельности комиссии А. С. Ермолова (1894 г.) стал проект «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях»³, утвержденный Государственным Советом 31 мая 1899 г. Закон предусматривал землеустройство казенных крестьян, монополизацию казной земельной собственности, отрицание принципов крестьянского частного землепользования, ограничение в широких масштабах крестьянского землепользования [23, с. 20–27]. Кабинетские крестьяне и оседлое автохтонное население подвергалось землеустройству согласно «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества»⁴.

Процесс землеустройства автохтонного населения экорегиона был запущен в 1901 г. Однако вплоть до 1912 г. автохтонное население Центрального Алтая и пограничной полосы с Монголией и Тувой (Восточный Алтай) под землеустроительные работы не попадало. Основной причиной была заинтересованность Кабинета в продлении ежегодной субсидии (200 тыс. руб.) на проведение работ и формирование системы арендных платежей на земельных участках, не попавших под землеустройство. Как правило, под отвод не попадал комплекс летних пастбищ (включая лесные), что определяло проблему реорганизации всего комплекса коммуникационных связей между социальными стратами алтай-кижи, теленгитов, казахов. Крупными собственниками стад активно предпринимались попытки закрепления за собою зимних пастбищ, локализованных в долинных комплексах, путем объединения земельных наделов. Осуществлялось это подкупом производителей работ и лиц, проводящих геодезическое обследование и топографическую привязку наделов, с целью понизить качественную оценку пастбищ, перевести их в разряд неудобных земель, что резко увеличивало площадь наделов. Используя приемы внеэкономического принуждения, бай, крупные собственники стад, сосредотачивали в своих руках и душевые паи разорившихся соплеменников [20]. Этническая стратификация, таким образом, с одной стороны, обусловила произвольный характер процесса «нарезки земель», с другой – дестабилизировало этносоциальную обстановку на границах с Монголией и Тувой.

На Кавказе сложилась качественно иная ситуация. Значительная часть автохтонных этносов во второй половине XIX в. была охвачена движением мухаджирства и покинула этническую территорию. Вопросы о предоставлении национальной элите прав земельного собственника были

сняты для всей трансграничной зоны. Проблема проявилась в задачах сельскохозяйственного освоения присоединенных земель. Решена она была на основе инициирования миграций из внутренних районов империи и Османской Порты. Заселение и административно-территориальное устройство побережья регламентировалось «Положением о заселении Черноморского округа и управлении оным»⁵ (10.03.1866). Земли переселенцам передавались в пользование. Надел достигал размера в 30 десятин «удобной» (пахотная, сенокосная) земли на двор, что было существенно ниже норм наделения в Саяно-Алтайском экорегионе, где минимальной душевой нормой было 15 десятин. К концу XIX в. норма надела на Западном Кавказе сократилась до 3 десятин удобной земли, что в условиях влажных субтропиков было явно недостаточно для товарного производства сельскохозяйственной продукции, это ориентировало органы местной власти на раскрытие рекреационного потенциала территории, а не на развитие сельскохозяйственного производства. В то же время ход землеустройства нескольких полиэтничных по составу волн переселенцев неизбежно ставил перед имперским правительством проблему формирования слоя земельных собственников как социальной опоры на присоединенных к государству территориях.

В отличие от Саяно-Алтайского экорегиона на Западном Кавказе социальная стратификация учитывалась как политический фактор прямого воздействия на этносоциальную обстановку в пограничной зоне. В этой связи здесь последовательно реализовывалась стратегия продажи казенных земель представителям российского дворянства и буржуазии. С 1872 г. она осуществлялась участками (не более 3000 десятин) по цене 10 руб./дес. с рассрочкой выплаты на 10 лет по равным долям. Большая часть приобретенных земель землевладельцами сдавалась на условиях аренды переселенцам или сохранялась в качестве резервного фонда для дальнейшей продажи [24, с. 48–52]. Начиная с 1880-х гг. государственные льготы не распространялись на иностранных подданных, которые могли рассчитывать только на аренду частновладельческих земель по договору. В силу этого формируемая по Черноморскому побережью страта земельных собственников однозначно выступала сторонником проводимого курса социальной политики, что нельзя сказать о широком слое арендаторов, сформировавших полиэтничные по составу сельские анклавные (территориальные общины).

К концу XIX в. по всему побережью сформировался земельный рынок: прибрежный участок трансграничной зоны и верховья р. Мзымта стали районом перманентных объектов земельных сделок и крупных спекуляций, направленных на формирование городской (дачи), а не сельской

³ Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // ПСЗРИ. Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 1913 г. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1899. Т. XVI: 1986. Отд-ие 1. № 12998. С. 503–505.

⁴ Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества // ПСЗРИ. Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 1913 г. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1902. Т. XIX: 1899. Отд-ие 1. № 16991. С. 554–566.

⁵ Извлечение из высочайше утвержденного Положения о Черноморском округе // ПСЗРИ. Собрание второе: с 12.12.1825 по 28.02.1881. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1968. Т. XXXXI: 1866. Отд-ие 1. С. 237–242.

среды. В отличие от Алтае-Саянского экорегиона домовладение с распространением функций пользования и распоряжения прилегающим земельным участком (приусадебным, парковым, садовым и т. д.) в этом районе стало основным маркером социальной стратификации. В социальную верхушку динамично растущих городских селений включались представители известных в России фамилий.

При оценке внутривосточной составляющей последствий имперского политического курса по всей трансграничной зоне юга России стоит акцентировать внимание на системе социальных противоречий, проявляющихся в несовпадении интересов органов государственной власти и подконтрольного им населения. Этнические интересы, представленные национальными элитами, проявлялись в стремлении: а) сохранить этническую территорию, социальные регуляторы традиционного природопользования, минимизировать воздействия на традиционный уклад жизни со стороны региональных органов исполнительной власти (Горный Алтай); б) сформировать в моноэтнических сельских анклавах систему землепользования на основе традиционной хозяйственной специализации и арендные статьи собственниками имений (Черноморское побережье). Позиция региональных органов власти проявлялась в стремлении создать резервный земельный фонд для переселенцев, сформировать на этой основе институт земельной собственности, увеличить налоговую базу. Позиция имперских (центральных) органов власти проявлялась в противопоставлении этнических интересов и интересов региональных органов власти. Этническая территория и ресурсы Саяно-Алтайского экорегиона рассматривались в качестве резервного колонизационного фонда, позволяющего с помощью инициированных трудовых миграций противостоять двум линиям сепаратизма. Региональный сепаратизм проявился в стремлении регионального управления минимизировать воздействие центральных органов власти на весь спектр социальных процессов (политических, экономических, культурных). Этнический сепаратизм определялся интересами национальных элит. На Черноморском побережье процесс формирования этнических территорий сельскими анклавами переселенцев не был четко выраженным. В отдельных случаях (греческие и эстонские селения верховьев р. Мзымты) протекал бесконтрольно.

Земельные реформы конца XX – начала XXI в. К проблеме выявления циклов дестабилизации этносоциальной обстановки

Специфика политического курса конца XX в. определялась идеологическим конструктом, согласно которому государственная земельная собственность, находящаяся вне гражданского оборота, рассматривалась в среде экспертного сообщества в качестве неэффективного социального института, не способного решать проблемы экономического

характера. В связи с этим земли сельскохозяйственного назначения выступали самым первым объектом приватизации государственного и муниципального имущества в стране. Правовой основой этого процесса выступил Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе»⁶, согласно которому на территории РСФСР: а) отменялась монополия государства на землю; б) вводилась собственность граждан на земельные участки, предоставленные для ведения личного подсобного и крестьянского хозяйства (ст. 4); в) допускалась продажа земли только органами государственной власти и Советами народных депутатов (ст. 9); г) исключалась реституция (возврат земельных участков бывшим их собственникам и их наследникам) и передача земельных участков в собственность иностранным гражданам (ст. 4); д) устанавливался 10-летний мораторий на куплю-продажу земельных участков (ст. 9); в) вводилась платность землепользования через земельный налог. Законом предусматривалось проведение земельной реформы в два этапа.

На первом этапе предполагалось осуществить последовательно: а) закрепление за местными советами народных депутатов прав по распоряжению землей, уточнение административных границ (сельсоветов), б) выявление потребности в земле граждан, предприятий, учреждений и организаций; в) формирование специального фонда земель (для их последующего перераспределения) и установление ставок земельного налога и цены земли. На втором этапе местным советам народных депутатов и органам Государственного комитета РСФСР по земельной реформе предписывалось осуществить передачу и закрепление земель гражданам, предприятиям, организациям и учреждениям в собственность, пользование (включая аренду) и владение в соответствии с действующим законодательством РСФСР. По своему содержанию закон вторгался в предмет ведения Конституции 1977 г., способствуя разрыву не только социально-экономической, но и политической структуры страны. Это прослеживается по ст. 12, в которой государством гарантировалось «бесплатное и бессрочное пользование» землями, закрепленными за колхозами.

Стоит вспомнить, что колхозы (в отличие от совхозов) являлись социальными институтами, образованными в 1930-е гг. на основе обобществления (коллективизации) парцелл земель, выкупленных по ряду субъектов РФ сельскими анклавами (общинами) или крестьянскими хозяйствами в ходе буржуазных реформ 1860-х – начала 1900-х гг., церковных земельных владений и собственности дворянства и буржуазии. Непризнание российским государством, в отличие от стран Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония) и Восточной Европы (Чехия, Болгария, Венгрия, Румыния), права реституции недвижимой собственности, национализированной в начале XX в. [25], было тождественно констатации факта, что органами государственной власти

⁶ О земельной реформе. Закон РСФСР от 23.11.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 29.11.1990. № 26. Ст. 327.

взял курс на формирование страты земельных собственников с чистого листа. Формируемый на основе передела земель социальный слой не должен был включить в себя потомков дореволюционных элит [5]. Не предусматривался и возврат наследникам усадебных строений и прилегающих к ним садово-парковых участков, отнесенных в настоящее время к объектам историко-культурного и природного наследия [4], даже в случаях, когда допускалась возможность их приватизации.

Так, были проигнорированы протесты «Постоянного Совета дворянских общин России (ПСОДОР)», воссозданного в 1992 г. потомками российского дворянства, против передачи по проекту губернатора В. И. Матвиенко дворцов и особняков Санкт-Петербурга в любые частные руки и недоумение у юристов-специалистов по международному праву и праву наследования собственности по предложенной модели выкупать эту недвижимость у государства по реальной стоимости. Этническая составляющая дореволюционного землепользования полностью игнорировалась. Для трансграничной зоны юга России это означало, что возможность получения в собственность земель для представителей автохтонного населения (резидентов) и нескольких волн переселенцев (нерезидентов), занятых в сельскохозяйственном производстве, уравнивались (Саяно-Алтайский экорегион). Потомки дореволюционных собственников домовладений и прилегающих к ним земельных участков (ботанических садов) Черноморского побережья Кавказа также были лишены права реституции. Принадлежащие им особняки, переданные в советский период под санатории и пансионаты, оставались в ведомственной собственности (как правило, федеральной). Часть из них, приватизированные в 1990-е гг., были уничтожены (например, комплекс «Ривьера»).

Содержание земельной реформы на начальном этапе определялось и ходом конституционной реформы, в соответствии с которой до начала работы Федерального Собрания регулирование социальных отношений, находящихся ранее в компетенции Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, делегировалось Президенту РФ. Согласно п. 2 Указа Президента РФ Б. Н. Ельцина «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации»⁷, предполагалось, что в целях обеспечения оперативного регулирования экономическими процессами в стране, обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан процесс преобразований будет осуществляться в указном порядке. В качестве обоснования делегирования высшему лицу государства неограниченных прав реорганизации института земельной собственности, не имеющих исторических precedентов, выступал далеко

не бесспорный тезис об отсутствии в РФ «актуального действующего земельного законодательства» [8, с. 37].

С технической точки зрения (алгоритм проведения реформ) возможность бесконфликтной реализации закона в национальных районах путем привлечения представителей сельских советов была сомнительна. Материалы полевых исследований 1990-х гг. в горных и горно-таежных районах Саяно-Алтайского экорегиона показывают, что процедура соотношения административных границ сельсоветов и границ традиционного природопользования, особенно в труднодоступных районах, была трудно разрешимой задачей. Эти границы были весьма условны и никогда не маркировались. На районном уровне информацией о «теневых» секторах этнической экономики и социальных регуляторах традиционного природопользования органы власти, как правило, не владели, как в дореволюционный, так и в советский периоды. Имеющаяся в сельсоветах землеустроительная документация охватывала только поселковые и припоселковые территории. Промысловые участки, выгоны и сезонные пастбища, локализованные на землях гослесфонда, как правило, не картографировались. В силу этого изопротемы подконтрольной сельским советам территории носили формальный характер. А многоукладность этнической экономики сельских анклавов, значительная часть которой находилась в теневом секторе и базировалась на экстенсивных формах природопользования с охватом федеральных земель (лесов 1 категории), ставила под вопрос саму процедуру выявления потребности в земле граждан. Системный кризис органов территориального управления и ограниченный круг специалистов в сфере этнической экономики повсеместно выступали фактором, ограничивающим возможности определения кадастровой стоимости промысловых участков и сезонных пастбищ в национальных районах, тех парцелл этнической территории, которые в начале 2010-х гг. стали активно отчуждаться бизнес-структурами с целью раскрытия рекреационного потенциала субъектов РФ.

Задачей приватизации земли и реформирования колхозов и совхозов декларировалось создание на базе ликвидируемого сектора социалистической экономики крестьянских (фермерских) хозяйств, а не латифундий. На первый взгляд этот курс был направлен на формирование широкой социальной поддержки процессу «декоммунизации» сельской экономики. Так, в целях создания условий для становления частного уклада аграрной экономики синхронно с Законом РСФСР «О земельной реформе» был принят и Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁸, который по своему содержанию можно рассматривать в качестве правового механизма реорганизации системы коммуникационных связей, определяющих структуру

⁷ О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в РФ. Указ Президента РФ от 07.10.1993 № 1598 // Российская газета. 09.10.1993.

⁸ О крестьянском (фермерском) хозяйстве. Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 29.11.1990. № 26. Ст. 324.

традиционных форм землепользования сельских анклавов, как внутренних (поселковых), так и внешних (межпоселковых, межэтнических и др.). Трансформация системы определялась предоставлением отдельным хозяйствам правового закрепления за собою парцелл земли, находящихся до реформ в коллективном пользовании. То, что этот процесс инициировал реорганизацию системы поземельных связей в целом, игнорировалось. В результате, как на территории Горного Алтая, так на Черноморском побережье Кавказа, были инициированы процессы свертывания сельскохозяйственного производства совхозов-миллионеров.

Принятые позднее законодательные акты РФ (Земельный кодекс РСФСР⁹; Постановление Правительства РФ «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса»¹⁰) скорректировали и дополнили содержание выше рассмотренных нормативно-правовых документов. В частности, совхозам, колхозам, акционерным обществам «предоставлялось право» (по формуле «могут») трансформировать земельные участки, предоставленные на праве постоянного (бессрочного) пользования, в коллективную (совместную или долевую) собственность; допускалось право собственности на землю для «бюджетников» – лиц, занятых в социальной сфере, пенсионеров и других лиц. Таким образом, уже с начала 1990-х гг. государством осознанно проводился курс, направленный на расширение субъектного состава граждан, получивших право собственности на земельную долю, за счет производителей [9, с. 22].

Земельный кодекс РСФСР воспроизвел, развил и скорректировал ряд положений Закона «О земельной реформе». Его содержание не входило в противоречие с курсом «фермеризации» и не ограничивало сроков приватизации. В этой связи проводимый курс приватизации земель позволил экспертному сообществу провести тезис о соответствии принимаемых Россией нормативных актов уже международной практике. Согласно последней для сохранения социальной стабильности (на основе баланса интересов) признавалась целесообразность формирования (органами власти) страты земельных собственников из среды производителей сельскохозяйственной продукции.

В то же время, как по Кодексу, так и по последующим за ним нормативным актам, регулиующим земельные отношения, прослеживается и обратная тенденция – отчуждение производителя от земельной собственности. Это прослеживается по тому, что с начала 1990-х гг. государством последовательно и осознанно проводился курс, направленный на расширение субъектного состава граждан, получивших право собственности на земельную долю за счет производителей [9, с. 22]. Эта тенденция прослеживается

в том, что согласно Земельному кодексу РСФСР (1991), помимо производителей сельхозпродукции, допускалось право собственности на землю для «бюджетников» – лиц, занятых в социальной сфере, и пенсионеров. Далее, в Постановлении Правительства РФ «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» (1992) список потенциальных собственников был расширен уже путем включения в него работников сельскохозяйственных предприятий, уволенных по сокращению штатов (после 01.1992) и «временно отсутствующих», но сохраняющих право трудоустройства физических лиц (военнослужащих, студентов и т. д.). Стоит акцентировать внимание на том, что обозначенные этими двумя нормативными актами социальные группы в условиях системного кризиса 1990-х гг. однозначно могут быть отнесены к категории малоимущих – социальной страте, не ориентированной на активное участие в приватизации земельных участков, находящихся за границами припоселковой территории. Были и исключения. Так, на территории традиционного природопользования шапсугов Причерноморья представителям бюджетников (учителя, медики) удалось оказать прямое воздействие на процессы реорганизации сельскохозяйственных организаций.

В несколько иной плоскости стоит рассматривать Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю»¹¹, согласно которому субъектный состав граждан, получивших право собственности на землю, был расширен уже за счет руководителей и специалистов сельскохозяйственных органов и сельскохозяйственного профиля органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов РФ, руководителей и специалистов, проработавших в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных организациях не менее пяти лет и не проживающих в сельской местности на время проведения реформ. По своему содержанию указ был ориентирован на достаточно широкий слой городского чиновничества, контролирующего на региональном уровне в дореформенный период социалистический сектор сельской экономики, и существенно углубил процессы социальной стратификации сельского населения, а в национальных районах – этнической и этносоциальной стратификации. Открытый доступ к фонду перераспределения земель, сформированному за счет «свободных земельных долей (паев)» [9, с. 22], инициировал процесс формирования новой для России социальной страты: а) не имеющей прямого отношения собственно к производству сельскохозяйственной продукции; б) обладающей административным ресурсом как для получения кредитов, так и для вывода наиболее продуктивных сельскохозяйственных угодий из хозяйственного оборота; в) обладающей опытом организации товарного

⁹ О введении в действие Земельного кодекса РСФСР. Постановление ВС РСФСР от 25.04.1991 № 1103-1-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 30.05.1991. № 22. Ст. 769.

¹⁰ О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса. Постановление Правительства РФ от 04.09.1992 № 708 // Российские вести. 1992. № 60.

¹¹ О реализации конституционных прав граждан на землю. Указ Президента РФ от 07.03.1996 № 337 // СЗ РФ. 11.03.1996. № 11. Ст. 1026.

сельскохозяйственного производства на основе найма (постоянного и сезонного) маргинальных слоев сельского населения; г) имеющей устойчивые контакты с силовыми структурами и представителями судебной системы.

Директивный, безвозмездный и массовый характер земельных преобразований охватил почти 12 млн граждан, что свидетельствует о стремлении реформаторов сформировать широкую социальную поддержку преобразований. С другой стороны, провал этого курса прослеживается – уже к середине 1990-х гг. не более 10 % земельных долей (по стране) оставалась в распоряжении граждан, занятых в сельскохозяйственном производстве. Объективно потенциал формируемой социальной страты крупной сельской буржуазии определял перспективу углубления процессов мобилизации движимой и недвижимой собственности на уровне семейных кланов и их активного внедрения как в региональный земельный рынок, так и региональные политические процессы, включая этнические. На наш взгляд, Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю» (1996) в какой-то мере нейтрализовал негативные последствия курса «фермеризации», проявившиеся в странах Восточноевропейского Партнерства уже на начальном этапе проводимых там земельных реформ. Ориентация на формирование слоя мелких земельных собственников на всем постсоветском пространстве привела к «несоответствию между эффективностью крупных хозяйств и малым размером хозяйств фермеров, имеющих ограниченные возможности механизации производства» [25, с. 112].

Ситуация в РФ во многом определялась крайне ограниченными возможностями сохранения даже выделенной земельной собственности. Именно отсутствие серьезного правового обеспечения при образовании земельных долей инициировал раскол в среде научного сообщества в оценке направленности, содержания и социальных последствий проводимых реформ [6; 8, с. 37]. Основанием выступало повсеместная практика решения поземельных споров: значительное число свидетельств о праве собственности на землю, выданных в ходе реформ, уже в начале 2000-х гг. органами государственной власти (повсеместно по субъектам РФ) во многих работах признавалось *незаконными*.

Исходя из вышесказанного земельный вопрос, как и в начале XX в., вновь стал рассматриваться в качестве фактора будущей дестабилизации социальных отношений. Во многом это определялось и тем, что, как по нормативным актам, так и по ходу реализации реформы, в предложенном государством алгоритме наделения землей не учитывалась этническая составляющая земельных отношений. Рассматривать эту проблему можно в двух плоскостях. С одной стороны, как проявление недооценки воздействия традиционной хозяйственной специализации на существующие в национальных районах системы землепользования. Так, в горных районах Центрального Алтая и Тофаларии это проявлялось в том, что в ходе земельной реформы не был решен вопрос о правовом закреплении территорий

традиционного природопользования сельских анклавов, отнесенных к местам компактного проживания коренных малочисленных народов. Более того, в границах сезонных пастбищ разворачивалась сеть рекреационных объектов, находящихся в собственности нерезидентов, чем инициировались процессы не только этносоциальной, но и этнической стратификации.

В ходе реформирования земельных отношений не всегда учитывались и последствия этнодемографических процессов, взаимосвязь между системой традиционных межэтнических коммуникаций в сфере природопользования и последствиями административно-территориальных преобразований, инициированных миграциями. В качестве примера можно привести конфликтную ситуацию 2017 г. в Ногайском районе Республики Дагестан, где решением республиканских властей была предпринята попытка предоставить статус сельских поселений участкам земель, образованным на «землях отгонного животноводства» переселенцами с горных территорий республики [26]. Возникший социальный конфликт не был локальным явлением: системный (комплексный) характер недооценки этнических интересов народов Дагестана проявляется в настоящее время по выявленной экспертами проблеме «невысвобожденности республиканской стратегии развития кооперации крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств на уровне сельских анклавов» [14; 27, р. 353].

В отдельных районах трансграничной зоны проведение земельной реформы приводит и к полной утрате этнической территории. Примером является ситуация в среде шапсугов – субэтнуса адыгов Причерноморья, отнесенных законодательством к категории коренных малочисленных народов России. В силу того, что совхозные и колхозные земли на побережье были отнесены к категории особо ценных (курортная зона), земля не была включена в стоимость акций, не приватизировалась и осталась в пользовании формируемых на основе долгосрочной аренды (49 лет) акционерных обществ. В результате «выпущенные» акции были скуплены за бесценок представителями нескольких адыгских фамилий, не имеющих прямого отношения к сельскохозяйственному производству. Результатом «приватизации» стало свертывание высокоэффективного сельскохозяйственного производства [28, с. 334, 335; 29, с. 319–320] и, как следствие, распад традиционной (многовековой) системы жизнеобеспечения этого субэтнуса адыгов в целом. Устойчивый характер процесса сужения территорий традиционного природопользования национальных сельских анклавов черноморского побережья и прилегающих к ним анклавов проявился и на подготовительном этапе Зимней Олимпиады 2014 г. Развертывание инфраструктуры способствовало интенсивной продаже земельных участков в горном кластере, вырубке садов и строительству частных гостиниц, свертыванию отгонного животноводства, введению запрета на содержание скота на подворьях. В результате этой политики традици-

онные формы предпринимательства эстонской, греческой и армянской групп населения в верховьях р. Мзымты также претерпели существенную трансформацию.

Исходя из принципов системного подхода земельную реформу можно рассматривать и в спектре изменения иерархически соподчиненной системы коммуникационных связей, выражающих групповые интересы: от федерального и регионального чиновничества до конкретных сельскохозяйственных производителей (фермеров, наемных работников, дольщиков-рантье и т. д.). В этом контексте проведение земельных реформ способствовало формированию в информационном пространстве мифа о наличии широкого слоя собственников земли на селе. По мнению экспертов, в этом процессе «не последнюю роль сыграли органы местного самоуправления» [8, с. 40]. Историческим фоном мифотворчества как социокультурного процесса выступили процессы обнищания, маргинализации, стратификации населения на основе криминализации сельской экономики [11; 30], свертывания социальной инфраструктуры и депопуляции сельского населения.

В этой связи интерес представляют попытки региональной историографии провести тезис об ответственности за социальные последствия на федеральный центр [7; 8; 31]. Основанием оценки выступает динамика нормотворчества, «скоропалительный» и непродуманный характер проводимого Правительством РФ курса земельных преобразований. За период 1991–2000 гг. по вопросам землепользования было принято 32 закона, 52 президентских указа, 180 постановлений правительства, 242 нормативно-правовых акта Госкомзема РФ [32]. С учетом нормативных актов, принимаемых на региональном уровне, формирование института частной земельной собственности оказалось в правовом поле, крайне сложном для восприятия сельским населением. В целом при сопоставлении современного курса земельной политики с опытом правовой регуляции земельных отношений в имперский период (на последнем этапе) можно отметить историческую преемственность национальной политики, проявившуюся в игнорировании органами власти (всех уровней) этнических интересов. При идентичном характере определения страты собственников земли (в 1890-е и 1990-е гг.) в ходе контрреформ конца XX в. был полностью проигнорирован «имперский опыт» решения земельного вопроса, для которого был характерен длительный подготовительный период, включающий сбор информации о характере землепользования, севооборотах, этнических формах предпринимательства, «балансе» групповых интересов; подготовку (на местах) штата землеустроителей; определение объемов финансирования, требуемых для проведения землеустроительных работ. И только на этой основе – проведение земельных преобразований.

Заключение

Проведенное пилотажное исследование отражает наличие прямых аналогов между целями земельных реформ, декларируемыми правительством России на срезе XIX–XX и XX–XXI вв.: формирование крестьянских хозяйств на собственной земле и земельного рынка; развитие малого бизнеса и сельскохозяйственной кооперации; укрепление налоговой базы. В этом контексте попытки сопоставления алгоритмов (последовательности) проведения реформ и выявление ее региональной специфики, предпринимаемые в отечественной историографии [10; 32; 33, с. 5], актуализируют проблему реорганизации предметного поля исследований и придание им интеграционного характера. Системный анализ вторичных процессов (как исторических прецедентов), инициированных земельными реформами, на наш взгляд, может выступить основой научного прогнозирования изменения текущей социальной (этносоциальной) обстановки.

Исходя из выявленных тенденций, следует вывод, что начиная с Указа Президента РФ от 27.12.1991 № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»¹², целью земельных реформ было не повышение эффективности земледелия путем рационализации использования земли, обозначенной в преамбуле Закона «О земельной реформе» 1990 г., а формирование социальной опоры федерального центра на местах в лице среднего класса из среды провинциального чиновничества. В предложенном государством механизме формирования земельного рынка изначально был заложен принцип социальной стратификации на основе коррупционной составляющей. В национальных районах реорганизация земельных отношений объективно инициировала вторичный процесс – этническую стратификацию, проявившуюся в концентрации выделенных паев в руках отдельных семей, представляющих национальную элиту – социальную страту, сформированную в советский период.

На основе пилотажных исследований по системам природопользования автохтонного населения и переселенцев в трансграничной зоне юга России и социальной политике конца XIX – начала XXI в. прослеживается устойчивая тенденция сохранения федеральным центром рычагов прямого воздействия на процессы административно-территориального устройства, формирования системы расселения и структуры населения (включая этническую), социальных страт земельных собственников, природопользования и жизнеобеспечения сельских анклавов. Эта тенденция позволяет рассматривать земельную политику российского государства в контексте общего курса национальной политики, входящей в настоящее время в предметное поле междисциплинарных исследований [34], объединяющих историков, этнологов, политологов, социологов и экономистов.

¹² О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР. Указ Президента РФ от 27.12.1991 № 323 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 02.01.1992. № 1. Ст. 53.

Литература

1. Садовой А. Н. Историческое мифотворчество в структуре этнологической экспертизы: к проблеме разграничения этнического процесса и социальных технологий // Миф в истории, политике, культуре: сб. мат-лов III Междунар. науч. междисциплинарной конф. (Севастополь, 26–27 июня 2019 г.) Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 398–402.
2. Садовой А. Н. Методологические и организационные аспекты формирования источниковой базы по современной системе межкультурных коммуникаций // Проблемы современных социокультурных исследований: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) Астрахань: ИД Астраханский университет, 2019. С. 12–16.
3. Садовой А. Н. Этническое предпринимательство в трансграничных районах. К исследованию адаптационных процессов // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России: сб. науч. ст. Всерос. науч. конф., посв. 30-летию СНИЦ РАН и СГУ. (Сочи, 23–26 октября 2018 г.) Сочи: Оптима, 2018. С. 167–173.
4. Милешина Н. А. Проблемы сохранения усадебного наследия российского дворянства в современном законодательстве и на практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 132–135.
5. Милешина Н. А., Потапова Л. А. Восстановление усадебного наследия России: проблемы законодательного обеспечения // Современный ученый. 2017. № 3. С. 241–244.
6. Липски С. А. Земельная реформа в постсоветской России // Экономический журнал. 2013. № 3. С. 139–148.
7. Обухова О. В. Особенности проведения земельной реформы в Российской Федерации на примере Приморского края // Аграрный вестник Приморья. 2016. № 3. С. 55–58.
8. Пустовалова О. В. Реалии земельной реформы 1990 гг. Историко-правовой анализ // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 34–43.
9. Палладина М. И. Правовое регулирование земельной реформы: возникновение и развитие права частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2013. № 3. С. 19–25.
10. Серогодский Н. А. Земельная реформа и ее реализация на Кубани (1991 – начало 2000-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-1. С. 182–184.
11. Хубиев К. А., Макаров А. И. Альтернативный подход к земельной реформе в России: отношения собственности и проблема их декриминализации // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 76–87.
12. Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.
13. Chenciner R., Magomedkhanov M. Ethno-cultural consequences of the mass migration of highlanders of Dagestan to plains // Proceedings of V International Congress of Caucasologists. Tbilisi, 2019. P. 301–302.
14. Магомедханов М. М., Рамазанова З. Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12. С. 56–62.
15. Rodzi N. I., Zaki S. A., Subli S. M. Between tourism and intangible cultural heritage // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 85. P. 411–420.
16. Карпова Г. А., Хорева Л. В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 9. С. 6–14. DOI: 10.22412/1995-042X-10-9-1
17. Куринских П. А. Проблемы фольклоризма в зарубежной историографии // Научный диалог. 2016. № 2. С. 250–260.
18. Магомедханов М. М., Садовой А. Н., Ченсинер Р., Баканов А. В., Гарунова С. М. «Зеленая дорога» монетизации этнотуризма: Дагестан. Проект «Арчи» // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 157–184. DOI: 10.32653/СН161157-184
19. Дамешек Л. М. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX в. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России / отв. ред. Е. А. Скрипилев. Иркутск: Изд. Иркутского ун-та, 1983. С. 29–41.
20. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. 198 с.
21. Храпова Н. Ю. К вопросу о содержании и штатах Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Скубневский. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 120–123.
22. Храмов А. А. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири (1896–1916) // Из истории Алтая / ред. А. П. Бородавкин, А. А. Храмов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 52–68.

23. Корнеева Г. А. Разработка закона «О землеустройстве» 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.) / отв. ред. М. Б. Шейнфельд. Красноярск: КГПИ, 1982. С. 15–29.
24. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Сетров М. И., Елисеев Д. О., Лукашев Е. П., Мурадуллаев Р. С. Отчет о НИР «Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения» (заключительный). Сочи: СНИЦ, 2016. 130 с. № гос. рег. 114100740110.
25. Маасикамае С., Шавров С. А., Юргенсон Э. Земельная реформа и зарубежный опыт // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 110–115.
26. Адиев А. З. Земельная реформа и протесты в Ногайском районе Дагестана (анализ событий 2017 г.) // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 181–186.
27. Khalidov D. Culture and mountain economy of Dagestan: the growth of conflict potential and the problem of the adequacy of public policy // Proceedings of V International Congress of Caucasologists. Tbilisi, 2019. P. 352–353.
28. Белозёрова М. В. Традиционное природопользование шапсугов: перспективы возрождения // Научный диалог. 2017. № 11. С. 328–339. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-328-339
29. Белозёрова М. В. Источники по истории этнического предпринимательства Республики Адыгея и Причерноморья в начале 1990-х годов // Научный диалог. 2019. № 10. С. 310–327. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-310-327
30. Макаров А. Н. О продовольственной безопасности и земельной реформе // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2017. № 1. С. 68–83.
31. Дивногорцева О. И., Кожевникова Л. М. Опыт и проблемы землеустройства в сельском хозяйстве Красноярского края в условиях современной земельной реформы // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 18–20 апреля 2017 г.) Красноярск: КрасГАУ, 2017. Ч. 2. С. 17–22.
32. Дугина Т. А. Развитие земельных отношений в сельском хозяйстве России // Российское предпринимательство. 2014. № 2. С. 78–85.
33. Балашов Е. В. Столыпинская аграрная реформа и современное земельное законодательство // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5. С. 4–7.
34. Садовой, А. Н., Белозёрова М. В., Зиновьев В. П., Кулемзин В. М. Исторический и этносоциальный аспекты анализа эффективности национальной политики российского государства XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 178–189. DOI: 10.17223/19988613/65/23

original article

Institute of Private Land in Cross-Border Zones of Southern Russia: Ethnic Aspect

Alexander N. Sadovoy^a, @, ID^a Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Sochi

@ sadovoy.a.n@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-2153-63459>

Received 25.06.2020. Accepted 27.07.2020.

Abstract: The paper presents intermediate results of a comparative analysis of land reforms conducted on the cusps of XIX–XX and XX–XXI centuries. It focuses on their medium- and long-term impact on the native territories of Russia's southern frontier. The article describes the correlation of state and ethnic interests in land management and formation of the private land institute. The research owes its relevance to the problems of the system of regional ethnological monitoring, as well as that of the effect of the national and agricultural state policy on the scientific forecasting of the changes in the ethno-social situation. The corruption-based principle of social stratification was initially incorporated in the mechanism of land market formation proposed by the state. In ethnic regions, the reorganization of land ownership triggered a secondary process of ethnic stratification. As a result, allocated shares concentrated in the hands of ethnic nobility families, thus shaping a social stratum during the Soviet period. The research was a pilot study of the natural resource management systems used by ethnic and migrant communities in the southern frontier and social policy of the late XIX – early XXI centuries. The author concludes that the Russian government retained levers of direct influence on the processes of: a) administrative and territorial structure; b) settlement system and population structure, including ethnic; c) social strata of land owners; d) traditional land use systems

and subsistence of rural enclave transformation. This trend made it possible to consider the history of Russian state land policy in the context of the general course of national policy, which is part of interdisciplinary research that unites history, ethnology, politics, sociology, and economics.

Keywords: land reforms, ethnic territory, national policy, ethnic stratification

For citation: Sadovoy A. N. Institute of Private Land in Cross-Border Zones of Southern Russia: Ethnic Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 664–676. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-664-676>

References

1. Sadovoy A. N. Historical mythmaking in the structure of ethnological expertise: the problem of ethnic process and social technologies distinction. *Myth in history, politics, culture*: Proc. III Intern. Sci. interdisciplinary Conf., Sevastopol, June 26–27, 2019. Sevastopol: Filial MGU im. M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2019, 398–402. (In Russ.)
2. Sadovoy A. N. Methodological and organizational aspects of the formation of the source base for the modern system of intercultural communications. *Problems of modern sociocultural research*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, November 28, 2019. Astrakhan: ID Astrakhanskii universitet, 2019, 12–16. (In Russ.)
3. Sadovoy A. N. The ethnic entrepreneurship in the transboundary regions. To the methods of adaptation processes analysis. *Social, economic, technological, and environmental aspects of sustainable development of Russian regions*: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated the 30th anniversary of the SNITs RAS and SSU, Sochi, October 23–26, 2018. Sochi: Optima, 2018, 167–173. (In Russ.)
4. Mileshina N. A. Russian nobility's homestead heritage preservation problems in modern legislation and in practice. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, (1-1): 132–135. (In Russ.)
5. Mileshina N. A., Potapova L. A. The restoration of the manor heritage of Russia: legislative support problems. *Sovremennyj uchenyj*, 2017, (3): 241–244. (In Russ.)
6. Lipski S. A. The land reform in post-soviet Russia. *Ekonomicheskij zhurnal*, 2013, (3): 139–148. (In Russ.)
7. Obukhova O. V. Features of the Russian Federation land reforms on the example of Primorsky region. *Agrarnyi vestnik Primoria*, 2016, (3): 55–58. (In Russ.)
8. Pustovalova O. V. Land reforms of 1990: historical and legal analysis. *Interesko Geo-Sibir*, 2015, 6(2): 34–43. (In Russ.)
9. Palladina M. I. The legal regulation of land reform: the emergence and development of private ownership of agricultural land. *Agrarian and land law*, 2013, (3): 19–25. (In Russ.)
10. Serogodskii N. A. Land reform and its realization in Krasnodar Krai (1991 – the beginning of the 2000s). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (1-1): 182–184. (In Russ.)
11. Khubiev K. A., Makarov A. I. An alternative approach to land reform in Russia: property relations and the problem of their decriminalization. *Problems in Political Economy*, 2016, (2): 76–87. (In Russ.)
12. Poddubikov V. V., Sadovoy A. N., Belozerova M. V. *Expertise and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous small ethnic groups: methods of applied ethnology*. Kemerovo: Praktika, 2014, 358. (In Russ.)
13. Chenciner R., Magomedkhanov M. Ethno-cultural consequences of the mass migration of highlanders of Dagestan to plains. *Proceedings of V International Congress of Caucasologists*. Tbilisi, 2019. P. 301–302.
14. Magomedkhanov M. M., Ramzanova Z. B. Transformation of land use traditions in Nagorny Dagestan: historical experience and socio-economic effect. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2016, (12): 56–62. (In Russ.)
15. Rodzi N. I., Zaki S. A., Subli S. M. Between tourism and intangible cultural heritage. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 85: 411–420.
16. Karpova G. A., Khoreva L. V. Commodification of intangible cultural heritage in the cultural tourism. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2016, 10(9): 6–14. (In Russ.) DOI: 10.22412/1995-042X-10-9-1
17. Kurinskikh P. A. Problems of folklorism in foreign historiography. *Nauchnyi dialog*, 2016, (2): 250–260. (In Russ.)
18. Magomedkhanov M. M., Sadovoy A. N., Chenciner R., Bakanov A. V., Garunova S. M. The "green path" of ethno-tourism's monetization: Dagestan. The Archi project. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 2020, 16(1): 157–184. (In Russ.) DOI: 10.32653/CH161157-184
19. Dameshek L. M. Codification of the norms of customary law of the peoples of Siberia as a source for the history of the internal politics of the autocracy in the nineteenth century. *Source study of the history of state and law of pre-revolutionary Russia*, ed. Skripilev E. A. Irkutsk: Izd. Irkutskogo un-ta, 1983, 29–41. (In Russ.)

20. Sadovoy A. N. *Territorial community of Mountain Altai and Shoria (late – early centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 198. (In Russ.)
21. Hrapova N. Yu. On the matter of content and staffing of the Altai mission agency in the second half of the XIX – early XX centuries. *Major issues of the history of Siberia*, eds. Kiryushin Yu. F., Skubnevsky V. A. Barnaul: Izd-vo AGU, 1998, 120–123. (In Russ.)
22. Khramkov A. A. On the matter of the results of the land-organizational reform in Siberia (1896–1916). *From the history of Altai*, eds. Borodavkin A. P., Khramkov A. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1978, 52–68. (In Russ.)
23. Korneeva G. A. Development of the law "On land management" on May 23, 1896 and the issue of land ownership in Siberia. *Agrarian relations and land policy of tsarist regime in Siberia (late XIX – 1917)*, ed. Sheinfeld M. B. Krasnoyarsk: KGPI, 1982, 15–29. (In Russ.)
24. Sadovoy A. N., Belozeroва M. V., Setrov M. I., Eliseev D. O., Lukashev E. P., Muradullaev R. S. *Report on research "Development of methods for expert assessment and forecast of the quality of life of the population" (final)*. Sochi: SNITs, 2016, 130. State No. reg. 114100740110. (In Russ.)
25. Maasikamae S., Shavrov S. A., Jirgenson E. Land reform and foreign experience. *Trudy BGTU. Seriya 5: Ekonomika i upravlenie*, 2017, (1): 110–115. (In Russ.)
26. Adiev A. Z. Land reform and protests in the Nogai district of Dagestan (the analysis of the events of 2017). *Vlast*. 2017, 25(11): 181–186. (In Russ.)
27. Khalidov D. Culture and mountain economy of Dagestan: the growth of conflict potential and the problem of the adequacy of public policy. *Proceedings of V International Congress of Caucasologists*. Tbilisi, 2019, 352–353.
28. Belozeroва M. V. Traditional shapsurs' natural resource use: prospects for revival. *Nauchnyi dialog*, 2017, (11): 328–339. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-328-339
29. Belozeroва M. V. Sources on the history of ethnic entrepreneurship of the Republic of Adygea and the Black Sea in the early 1990s. *Nauchnyi dialog*, 2019(10): 310–327. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-310-327
30. Makarov A. N. On food security and land reform. *Socio-economic and engineering systems: research, design and optimization*, 2017, (1): 68–83. (In Russ.)
31. Divnogortseva O. I., Kozhevnikova L. M. Experience and problems of land management in agriculture Krasnoyarsk territory in the conditions of modern land reform. *Science and Education: Experience, Problems, and Development Prospects: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, April 18–20, 2017*. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2017, pt. 2, 17–22. (In Russ.)
32. Dugina T. A. Development of land relations in Russian agriculture. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 2014, (2): 78–85. (In Russ.)
33. Balashov E. V. Stolypin agrarian reform and contemporary land legislation. *Vestnik VEHGU*, 2010, (5): 4–7. (In Russ.)
34. Sadovoy A. N., Belozeroва M. V., Zinoviev V. P., Kulemzin V. M. Historical and ethnosocial aspects of analysis of the efficiency of the Russian state national policy of the XIX–XXI centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, (65): 178–189. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/65/23